

К 150-летию со дня рождения П.А. Столыпина: Реформы и русское общество в начале XX века

Программа реформ

© 2012 г. А. Н. МЕДУШЕВСКИЙ*

КАК ВЫЙТИ ИЗ РЕВОЛЮЦИИ: СТРАТЕГИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА В ОБЩЕСТВАХ ПЕРЕХОДНОГО ТИПА

Крушение коммунистического эксперимента и распад СССР вновь сделали актуальными проблемы, стоявшие перед Россией в начале XX в., – формирования гражданского общества, многопартийности, политического плюрализма и прав человека, защиты прав собственности, земельной реформы, разработки стратегии модернизации и устойчивого развития. Историческая наука призвана предложить доказательные ответы на возникающие в связи с этим вопросы. Главный из них – почему модель модернизации, заложенная Великими реформами 1860-х гг. и предполагавшая вполне адекватную стратегию преодоления традиционализма¹, не смогла последовательно реализоваться в России, которая через полстолетия оказалась ввергнута в революцию и Гражданскую войну, в полной мере испытав затем последствия одного из наиболее деспотических режимов XX в. и череды проводившихся им катастрофических социальных экспериментов. Почему, далее, советская модернизация, проводившаяся уже на совершенно иных основаниях, вновь завершилась резким и для многих непредвиденным крушением государственности? Как соотносится с этой исторической реальностью различные революции новейшего времени, обозначившие кризис традиционных форм модернизации в странах Восточной Европы, Азии, Латинской Америки и Северной Африки?

Актуальная проблема новейшего времени – каким образом человечество может избежать деструктивных социальных последствий мирового экономического кризиса в условиях радикальной критики рыночной экономики и либеральной демократии левыми антиглобалистами и роста популярности различных экстремистских доктрин? В конечном счете, это вопрос о том, как возможно преодолеть кризис общества без революции – с минимальными социальными потерями, сохранением правовой преемственности, политической стабильности и предсказуемости результатов преобразований? Очевидно, что при ответе на него в современной российской историографии в центре внимания оказываются идеи и программа реформ², публичные выступления³ и общественная деятельность П.А. Столыпина – выдающегося государственного деятеля, последовательно отстаивавшего эволюционный путь политического развития и наиболее четко осознававшего альтернативу революции в Российской империи накануне ее крушения.

* Медушевский Андрей Николаевич, доктор философских наук, главный редактор журнала «Российская история».

С позиций постсоветской реальности самыми существенными критериями анализа столыпинской модели преобразований следует признать: степень научной состоятельности предложенной Столыпиным концепции фундаментального социального кризиса российского общества; адекватность избранной им стратегии его разрешения; верность его взгляда на причины революционного срыва и способы его преодоления; пригодность применявшихся им методов противостояния революционному экстремизму и допустимость границ осуществления чрезвычайных полномочий в противодействии террору; параметры конструирования политической системы переходного периода и условия эффективности ее функционирования; возможности и исторически обусловленные границы применения данного опыта в сравнительной перспективе и на современном этапе.

Фундаментальный социальный кризис традиционного общества: альтернативы преодоления

Формирование и широкое распространение революционного мифа в новой и новейшей истории есть, безусловно, результат фундаментальных социальных причин – исторически сформировавшегося конфликта между позитивным правом и справедливостью в сфере земельных отношений, выражающегося в неприятии массами существующих норм законодательства и основанных на нем правил распределения земли. Но насколько неизбежным следствием этого конфликта является социальная революция?

Для реконструкции позиции Столыпина принципиальное значение имеет его обмен мнениями с Л.Н. Толстым, справедливо называвшим причиной «революционных ужасов» «недовольство народа неправильным распределением земли». Однако вывод, который делал писатель, состоял в отрицании важнейшего института гражданского общества: «нужно уничтожить вековую, древнюю несправедливость» – «так называемое право земельной собственности» или индивидуальное право «владеть землей как собственностью», сделав «пользование ею одинаково доступным всем». Ликвидация частной собственности на землю, считал Толстой, была бы «самым действенным и безошибочным средством успокоения народа, уничтожения того таящегося в сознании народа недовольства, которое одно дает силу и значение ложной и преступной деятельности революционеров»⁴. Именно поэтому В.И. Ленин, как раз осуществлявший такую деятельность, не соглашаясь с анархической проповедью Толстого, подчеркивал ценность его социального диагноза, назвав его «зеркалом русской революции». Отвергая все проекты земельной реформы (выдвинутые как левыми, так и правыми партиями), Толстой предлагал ввести собственность «всего народа на землю», регулируя возникающие имущественные диспропорции путем введения так называемого «единого налога» (в рамках теории Г. Джорджа), что, по его мнению, позволило бы встать на сторону «вечной правды» и тем самым «вынуть почву революции»⁵. По мнению писателя, Столыпин сделал две ошибки – пытался бороться с насилием силовыми методами и уничтожал общину с целью передать землю крестьянам в частную собственность, что несовместимо с идеей равенства и способно разжечь начинающийся революционный пожар.

Столыпин соглашался с поставленным великим писателем диагнозом кризиса, однако видел его разрешение не в разрушении института собственности, но в его укреплении. В ответе Толстому он апеллировал к психологической теории и выдвигал вполне бихевиористский аргумент – определял «чувство собственности» как «врожденный инстинкт», способный, наряду с чувством голода и половым инстинктом, определять мотивацию социального поведения крестьянина в направлении стандартов рыночной экономики (стремления к личному обогащению, преодолению «худшего из рабств» – бедности) и правового порядка⁶. Врожденные (или генетически закрепленные) свойства определенного биологического вида с позиций современной психологической науки противопоставляются тем, которые приобретаются, усваиваются или выводятся из опыта. Они являются поэтому общими для всех, имеют универсальный характер и в

известных классификациях психологических потребностей подразделяются на базисные (потребность в пище, воспроизводстве, безопасности) и производные (в справедливости, благополучии, порядке и единстве социальной жизни)⁷. Вопрос о том, может ли «чувство собственности» рассматриваться как такая универсальная (или базисная) потребность, является, конечно, дискуссионным, особенно, учитывая различные формы реализации в истории. Несомненно, однако, что институт частной собственности является неотъемлемым элементом современного гражданского общества, а все известные попытки его отмены заканчивались до последнего времени крушением. Возможно, в этом споре Толстой был ближе к пониманию уравнилельно-распределительной психологии русского крестьянства, а Столыпин – к прагматической интерпретации выхода традиционного общества из социального тупика.

Этот спор ярко очерчивает конфликт между собственностью и справедливостью – дилемма, понятная в постсоветский период. Содержание социального конфликта при переходе от традиционного общества к индустриальному выражается в противоречии между формальными отношениями собственности и представлениями крестьянства о справедливости как торжестве утопической идеи уравнилельного распределения земли. Поэтому предложенная Столыпиным концепция преобразований означала революцию сверху – попытку радикальной трансформации стереотипных психологических ожиданий, изменения правил игры в социальных отношениях и хозяйственной деятельности, стандартов мотивации поведения при сохранении общей правовой преемственности и легитимности политической власти. Ее основной элемент – преодоление исторически сложившегося правового дуализма путем распространения на крестьянство общегосударственного гражданского права и укоренения института частной собственности на землю. Данная концепция, теоретические основы которой были сформулированы еще правительством С.Ю. Витте⁸ и блестящей плеядой русских ученых-аграрников, была призвана логически завершить Великие реформы, включив в сферу модернизации социальных отношений традиционное крестьянство и ликвидировав основу уравнилельно-распределительной аграрной экономики – сельскую общину. Выход из кризиса при этом предполагал такое изменение традиционалистского сознания, которое делает возможным укоренение институтов рыночной экономики, гражданского общества и правового государства, несмотря на оказываемое сопротивление патриархальных народных масс.

Радикальная реформа как инструмент разрешения социального конфликта

Социальный эффект указанного типа модернизации мог оказаться различен в краткосрочной и долгосрочной перспективах. Заявленный масштаб столыпинской программы существенно превышал задачи постреволюционной стабилизации, охватывая не только земельное право, но и все сферы общественных отношений – от обеспечения юридического равенства независимо от сословной принадлежности до противодействия экстремизму, а ее главной политической целью становилось поддержание социальной стабильности. Методы проведения реформ носили правовой характер, что исключало использование мобилизационных технологий последующего времени⁹. В отличие от советских аграрных экспериментов, столыпинская реформа не допускала широкого применения принуждения, осуществить ее было «решено безо всякого насилия, так как в таком деле насилие исключает успех»¹⁰. «Никогда и никто, – уверял Столыпин, – не предлагал нашим посланцам силком навязывать хутора»¹¹. Тем не менее в краткосрочной перспективе (т.е. в период, предшествовавший началу Первой мировой войны) результативность данной стратегии не вызывала сомнений. Россия имела чрезвычайно высокие темпы экономического роста, в том числе – аграрной продукции; наблюдался массовый выход экономически дееспособных крестьян из общины с укреплением за ними земли в личную собственность; осуществлялась активная землеустроительная и переселенческая политика; происходил рост технических и агрономических знаний. Этот вывод разделяли как русские современники¹², так и компетентные иностранные

аналитики. Несмотря на трудности «великой аграрной реформы» 1906 г., рассчитанной на 20 лет, констатировал известный французский экономист и политический обозреватель Э. Тери, «импульс уже дан, и он такой силы, что не приходится сомневаться в полном успехе реформы»¹³. Сам Столыпин говорил, что удалось выдержать вектор стабилизации – «сильный экономический и нравственный подъем», в результате которого «крестьяне-революционеры» в перспективе могут стать «страстными хуторянами и людьми порядка»¹⁴.

Более трудным и дискуссионным в историографии является вопрос о результатах столыпинских преобразований в долгосрочной перспективе, особенно с учетом их незавершенности, внешних и внутренних факторов дестабилизации, противодействия им со стороны массы традиционалистского крестьянства и консервативных элементов правящей элиты. Основным аргументом критиков реформы всегда выступает та легкость, с которой ее результаты были сметены в ходе большевистской революции, означавшей тотальное разрушение правовых основ землепользования («безвозмездная передача земли трудовому крестьянству»), архаизацию социальных отношений («социалистическая национализация» земельных ресурсов) и восстановление примитивных внеэкономических форм эксплуатации крестьянства (колхозная система). Поскольку перевод дискуссии о преимуществах и недостатках столыпинской программы в гипотетическую плоскость так называемой альтернативной истории вряд ли может быть признан продуктивным (ибо не дает доказательных выводов ни одной из сторон в споре), единственная возможность приблизиться к разрешению дилеммы состоит в использовании сравнительного метода, в частности – моделирования ситуаций на материале тех стран, где аграрные реформы рыночного образца были доведены до конца.

Потенциал столыпинской реформы становится понятен при сравнении ее с другим близким по времени историческим феноменом – аграрной реформой в Мексике, последовательно осуществлявшейся авторитарным правительством данной страны после революции и принятия Конституции 1917 г. Содержание этой реформы в Мексике, как и в России, состояло в разрешении исторического конфликта собственности и справедливости – разукрупнении больших владений (асьенд) и передаче земель крестьянам. Первоначально они получили возможность использовать эти земли на правах не собственников, но арендаторов, причем в двух видах – индивидуально и коллективно. Этот вид землепользования, однако, не являлся самоцелью, имея в виду облегчить переход к частной собственности (что и произошло примерно через 20 лет после начала реформы).

Такая компромиссная концепция реформы в Мексике (условия которой были зафиксированы в Конституции 1917 г.), как и в России, не спасала от конфликтов: крестьяне, получившие землю от государства, оказались привилегированным меньшинством в отличие от тех, которые эту землю не получили (большинство) или получили в меньших пропорциях («малоземелье»). Диспропорции были представлены также по регионам: если на Севере государство поощряло коммерциализацию сельского хозяйства, то на Юге сохранялись традиционные порядки. Наконец, разрушение исторически сложившихся больших хозяйств вело к уничтожению традиционной экономической основы земледелия (в частности, «образцовых хозяйств» в латифундиях), стимулируемым государством перемещением аграрного населения и пауперизации сельских масс (пеонов). В целях разрешения подобных конфликтов государственная власть в Мексике, как и во многих развивающихся странах, вынуждена была применять политику лавирования между курсом на коллективизм и укреплением правовых основ индивидуальной частной собственности¹⁵. Но в целом данная политика позволила последовательно трансформировать аграрные отношения и избежать повторения революционных эксцессов предшествующего времени – наподобие «пугачевщины» и аграрного бандитизма крестьянских армий Вильи и Сапаты. Правовые и политические (институциональные) факторы модернизации – одно из условий успеха подобных реформ¹⁶.

В этом сравнительном контексте чрезвычайно важное значение приобретает сопоставление аграрных преобразований в России и в тех развивающихся странах,

где удалось избежать революции или выйти из тупика аграрного коммунизма путем приватизации земли или предоставления ее крестьянам в долгосрочную аренду в различных вариантах. Ход этих реформ в ряде стран Латинской Америки (Бразилия, Чили, Мексика и др.), Южной Африки (ЮАР, Зимбабве), Азии (Индия, Япония, Южная Корея) не всегда был гладким и экономически успешным, сталкиваясь, в частности, с проблемой фрагментации крупных землевладений¹⁷, однако, как и в России периода столыпинских реформ, имел целью рационализацию аграрных отношений и снятие связанных с ними социальных конфликтов путем укрепления собственности на землю или перехода от коллективных форм землевладения к семейным фермам (как было сделано в Китае в 1978 г.). Опыт развивающихся стран в XX в. показывает, что устойчивого экономического роста удавалось достичь только при сохранении стабильных правовых рычагов управления аграрной экономикой, без чего невозможны инвестиции и развитие рыночной инфраструктуры.

Конфликт собственности и справедливости, связанный с трансформацией аграрных отношений, следовательно, действительно создает основу социального кризиса, но в сравнительной перспективе этот кризис не обязательно ведет к революции и может быть снят путем последовательных и радикальных социальных преобразований.

Почему общество срывается в революцию: предпосылки социальной агрессии и революционного экстремизма

Предпринимая масштабные социальные реформы, Столыпин должен был ответить на вопрос: в чем общая причина революционных срывов и как их остановить? Если революция, в марксистской трактовке, есть «наука», а организация вооруженного восстания или государственного переворота, согласно Ленину и Троцкому, выступает как «искусство», которому даже можно обучиться в специальных конспиративных школах, то почему эти понятия не могут быть использованы для определения контрреволюции? При этом научная концепция контрреволюции должна в равной мере основываться на доказательном социологическом анализе, понимании движущих сил деструктивных социальных процессов и указании эффективных методов их преодоления. Столыпин как теоретик и практик контрреволюции, несомненно, внес существенный вклад в интерпретацию революционного феномена.

Прежде всего, Петр Аркадьевич был одним из немногих государственных деятелей Европы начала XX в., кто адекватно понял значение социальных изменений новейшего времени, масштаб революционного кризиса и исключительную важность его преодоления в России – стране, «представляющей из себя шестую часть (земного. – А.М.) шара, и это в одну из самых трудных исторических минут, повторяющихся раз в тысячу лет»¹⁸. Далее, он предложил собственную интерпретацию революции, отразившуюся в его сочинениях. Революции вообще оцениваются Столыпиным как такие срывы исторического развития, которые происходят в условиях неустойчивого равновесия, когда общество стремится преодолеть сдерживающие его исторически сформировавшиеся социальные ограничения, но дезориентировано быстротой перемен и еще не нашло адекватных инструментов реагирования на новые вызовы. В этих условиях формируется особый революционный миф, основу которого в аграрной стране неизбежно составляет привлекательная для масс, но нереализуемая на практике идея возврата к исходному равенству, утраченному будто бы с развитием капиталистической цивилизации. Еще будучи саратовским губернатором, Столыпин констатировал (в 1905 г.!) «отсутствие в народном сознании революционных идей», но отмечал такую исторически сложившуюся черту социальной психологии крестьянства как «страсть всех уравнивать, всех привести к одному уровню», что вело к понижению планки на уровень «худшего, инертного большинства»¹⁹. Революционный миф, следовательно, был устремлен не в будущее, а в прошлое: конструктивным преобразованиям он противопоставлял примитивную уравнивательную психологию. Частью этого мифа стала совокупность иллюзорных представлений о возможности возврата к общественной гармонии путем

разрушения существующей социальной и политической системы с помощью насилия. «Естественным противовесом общинному началу, – считал Столыпин, – является единоличная собственность». Но проведение рыночных реформ ведет к расслоению общества, создавая основу для социальной ненависти, озлобления и недовольства существующим порядком, «на почве которого легко прививается пропаганда и возникают аграрные беспорядки». В результате революция из абстрактного гуманитарного идеала быстро вырождается в «революционную горячку»²⁰ – неконтролируемое проявление социальной агрессии, приобретающей форму уголовно наказуемых актов террора.

Вопреки утверждениям левых теоретиков революции, Столыпин объяснял эти акты насилия и социальной агрессии не столько экономическими трудностями (которые существовали давно и могли быть преодолены в ходе преобразований), сколько явлением психической аберрации – неадекватным восприятием ситуации традиционалистскими массами, близорукостью (и ошибками) власти и деятельностью экстремистских агитаторов. Феномен завышенных ожиданий выступает как психологическая предпосылка революционного срыва модернизационного проекта. Раздражение в обществе от невозможности реализовать творческий потенциал ведет к быстрому росту максимализма требований и аккумуляции недовольства различных социальных групп крайними оппозиционными движениями. Против реформаторов используются «пресса, и модное общественное течение, и тенденциозная фальсификация фактов и событий», выявление тактических ошибок власти – «наших военных неудач и всевозможных разоблачений правительственных язв и якобы правительственной слабости», стремление к «революционизированию народа с думской кафедры»²¹. В этом смысле Столыпин говорил о «возникших с 1905 г.» событиях «смутного времени»²². Максимализм и утопичность революционных проектов социального переустройства порождают террористические методы их осуществления. Крайней формой революционного экстремизма предстает «открытое разбойничество», выдвинувшее вперед все противообщественные «преступные элементы» – явление, противопоставить которому можно «только силу»²³.

Анализ структуры революционного протеста приводил Столыпина к разделяемому современной наукой выводу о его социальной неоднородности и выделению нескольких его видов: 1) крестьянские бунты, восстания, сопровождавшиеся грабежами и поджогами усадеб – «пугачевщина», участники которой «все жгут, уничтожают, а теперь уже и убивают», причем используют традиционные способы легитимации насилия – «во главе шаек лица, переодетые в мундиры с орденами»²⁴; 2) «безрассудные домогательства рабочих», способные под влиянием социальной демагогии «вконец разорить промышленность»²⁵; 3) выступления на национальной почве, в частности – движения сепаратистов в Польше, Финляндии, и особенно «чрезмерное развитие террористической деятельности» на Кавказе²⁶; 4) оппозиционность университетов – появление «армии гимназистов с папахами и браунингами и бойкотом против учения»²⁷; 5) выступления в войсковых частях²⁸, распространение в армии «преступных прокламаций»²⁹. Все эти акции гражданского неповиновения, согласно Столыпину, имеют различную социальную природу, иногда противоречат друг другу, выдвигают требования разной степени радикальности – от вполне реальных до утопических, а главное – используют всевозможные способы воздействия на общество – от легальных до уголовных акций.

Следовательно, по мнению главы российского правительства, необходим дифференцированный подход к их преодолению. Если аграрные протесты (крестьянские бунты) могут быть остановлены с помощью «примерного и сурового наказания»³⁰, необходимых «мер строгости», которые «будут иметь прекрасное воздействие на население»³¹, то в отношении сепаратистских движений и оппозиции интеллектуалов нужно использовать воспитательные средства, принимать меры общеполитического характера. В частности, необходимо вывести массу русской молодежи из-под влияния «политиканствующих левых профессоров», побудив университетскую интеллигенцию оставить политику и «вернуться к науке»; пойти на компромисс с умеренными группами оппозиции, в частности, пересмотреть деятельность институтов местного

самоуправления и региональной администрации, направив ее к конструктивной работе; ослабить фактор национализма, сочетая упорство в проведении страной «своих исторических задач» и подавлении сепаратизма с отказом от «денационализации проживающих в пределах государства народностей»³² и установлением баланса интересов с региональными элитами (в перспективе, возможно, даже отделением Польши от России)³³; учиться разделять агрессивные и неагрессивные формы национализма и конфессиональной приверженности, опираясь на умеренный исламизм против радикального³⁴ и «успокоив неревOLUTIONционную часть еврейства»³⁵. Главное, чего нельзя допускать, – это соединения различных форм недовольства, когда революционный миф искусственно навязывается общественным группам извне с целью вовлечь их в общий деструктивный протест.

Важным элементом проведенного Столыпиным анализа является реконструкция позиции революционной интеллигенции. Премьер-министр выделял такие ее особенности: во-первых, тотальное стремление к разрушению существующей системы без предложения конструктивной альтернативы – «страсть к ломке», инстинктивное предпочтение «законному ходу вещей достижения реформ путем революционным»³⁶; во-вторых, абстрактно-теоретический характер рекомендаций умеренной оппозиции – «третьего элемента», который «быстро поднял голову и смело предъявил притязание на руководящее положение» при общей оторванности от социальной практики и управления; в-третьих, стремление радикальной оппозиции использовать темные массы для реализации утопических целей: «анархисты-коммунисты и так называемая “опозиция” партии социалистов-революционеров (“максималисты”), – констатировал он, – проповедуют явное безначалие и почти исключительно заняты организацией убийств и грабежей». Замысел радикальной оппозиции, по словам Столыпина, «сводится к тому, чтобы всю энергию пропаганды и агитации направить на крестьянство, поднять его по окончании уборки хлебов на повсеместные беспорядки, а затем, при одновременном устройстве всеобщей забастовки, двинуть в действие городской пролетариат и создать таким образом народное вооруженное восстание»³⁷. Это была известная идея о «союзе рабочего класса и крестьянства» в революции, «перерастании» ее из демократической в пролетарскую при одновременном внесении в массы «классового сознания» извне с помощью пропаганды, осуществляемой конспиративной партией «профессиональных революционеров».

Торжество революционного мифа, следуя этой интерпретации, выгодно не народным массам (которые в условиях разрушения правовой системы, очевидно, теряют больше, чем приобретают) и не конструктивным силам общества, выступающим за модернизацию, но маргинальным, нетворческим элементам, стремящимся путем разрушения удовлетворить свои примитивные инстинкты мстительной зависти, агрессии и жажды власти. В революционном кризисе, подчеркивал Столыпин, нет ничего фатального: он напоминает болезнь, которая может кончиться как смертью так и выздоровлением организма, а результат зависит от точности диагноза и правильности лечения.

Государство и революция:

терроризм и границы использования чрезвычайных полномочий

Что может противопоставить государство революционному экстремизму и анархическому тезису о «сломе государственной машины» с помощью насилия? В законодательстве Российской империи не существовало четкого современного понятия «терроризм» как уголовного преступления (ст. 205 действующего УК РФ), однако, были представлены различные его составляющие. Определенная категория государственных преступлений в Уголовном уложении 1903 г. была зафиксирована под названием «смута»³⁸. Это понятие, несомненно, было довольно искусственным и неопределенным. Среди различных деяний, обозначенных в Уголовном уложении как «смута», главное место занимали преступные скопища, сообщества и возбуждение к разным преступлениям. В отличие от «преступных скопищ» (спонтанных публичных собраний), «сооб-

щества», как более систематическая организация, становились объектом пристального внимания. Уложение особо выделяло сообщества, стремящиеся к осуществлению государственного переворота как путем непосредственного захвата политической власти (ст. 100), так и косвенным образом (ст. 126 в связи со ст. 102) – через насильственное ниспровержение общественного строя. Под последним, очевидно, имелись в виду и достаточно умеренные проявления организованного гражданского неповиновения, отстаивавшие саму идею изменения существующего строя, и собственно революционные террористические организации различной направленности, обращенные к прямому действию. Это создавало юридическую неопределенность в квалификации некоторых деяний (например, пропаганды) и трудности в судебной практике по политическим делам³⁹.

Тем не менее, большинство актов революционного насилия, рассматривавшихся советской историографией как проявления так называемой классовой борьбы, вполне соответствуют современной их квалификации как актов террора. Борьба с ними, причем безотносительно к их идейной основе и политической направленности, сегодня выступает как одна из основных задач государства. Более того, в условиях роста мощности оружия (угроза применения так называемой «грязной бомбы») в странах классической демократии стала возможна немыслимая ранее дискуссия о степени юридически допустимых ограничений прав человека (слежка, создание электронных профилей, увеличение сроков содержания под стражей без предъявления обвинения, «точечные убийства» лидеров террора в других странах и проч.) и даже применении неконвенциональных методов допроса (фактически – пыток) к лицам, подозреваемым в подготовке террористических актов. Современное демократическое государство, таким образом, исходит из необходимости жесткой защиты демократии от ее врагов – борьбы как с идеологией террора и представляющими ее политическими объединениями (в последнее время даже целыми странами), так и с его проявлениями – финансированием соответствующих акций саботажа, подготовкой вооруженных нападений, покушений на должностных лиц и т.д.

В этом контексте позиция Столыпина – вполне современна: террор определялся им как стремление достичь определенных политических целей путем насилия или угрозы его применения. Премьер-министр предлагал разделять все акции гражданского неповиновения на мирные и те, которые связаны с применением насилия в отношении общества, государственных институтов, администраторов, и могут быть квалифицированы с позиций уголовного права. Столыпин говорил о важности различать акты «революционного, общеуголовного и аграрного свойства в различных местностях империи», указывая, что в некоторых из них «движение приобрело упорный, длительный характер»⁴⁰. Наиболее опасные проявления революционной деятельности он видел в агитации, экспроприациях и действиях бомбистов, которые, пользуясь сочувствием ряда либеральных чиновников, парализуют усилия полиции и «заставляют администрацию напрягать все свое внимание»⁴¹. А свою цель в письме царю от 13 августа 1906 г., он определял как стремление вывести страну «на путь законности, спокойствия и порядка»⁴².

Масштабы революционного террора, считал Столыпин, требуют чрезвычайных мер для его подавления. Отсюда – необходимость для государства в полной мере реализовать свою монополию на легитимное насилие в ситуации, когда «государственная необходимость стоит выше права и когда надлежит выбирать между целостью теории и целостью отечества»⁴³. «Это, – писал он, – революция, а против революции всякое правительство должно защищаться»; «революционная горячка требует героического лечения»⁴⁴, поскольку революционное движение, охватившее Россию с 1905 г., вылилось в «грабительство и разбой»⁴⁵, т.е. чисто криминальные акции. Самый спорный элемент концепции Столыпина, за который он подвергался наибольшей критике в либеральной прессе, – ограничение «нормальных» судебных процедур или применение внесудебных преследований. В рамках положений об усиленной или чрезвычайной охране или объявления отдельных местностей на военном положении, введенных

правительством для предотвращения различных «злодеяний»⁴⁶, власти действительно получали право «предавать обвиняемых в таковых преступлениях лиц военно-полевому суду» при условии, что «учиненное деяние является настолько очевидным, что нет необходимости в его предварительном расследовании»⁴⁷. Особенно серьезным приемом революционной борьбы Столыпин считал «террор, направленный на должностных лиц»⁴⁸. В этом случае «смягчение наказаний, вынесенных военно-окружным судом», признавалось невозможным⁴⁹, «никакое снисхождение к деятелям такого рода» недопустимым, слабость уголовных репрессий оценивалась как «деморализующее влияние»⁵⁰. Отстаивая применение смертной казни к террористам, Столыпин шел радикально против либерального общественного мнения своего времени, категорически выступавшего против данной меры наказания⁵¹. Но он верил, что «казнь немногих предотвратит моря крови»⁵² и необходимо различать «кровь на руках палачей от крови на руках добросовестных врачей»⁵³.

Если вывести вопрос о чрезвычайных судах и смертной казни из сферы моральной философии в область позитивного уголовного права, то ответ об их правомерности современная юридическая наука дает, как правило, исходя из принципа соразмерности наказания совершенным деяниям. Характерно, что рекомендуемые Столыпиным правовые формы и технологии борьбы с революционным экстремизмом были вполне адекватны тем, которые Ленин выдвигал для организации вооруженного восстания (сочетание агитации, саботажа, захвата учреждений и убийств чиновников). «Чрезвычайные меры действительны, – разъяснял премьер-министр губернаторам, – когда они используются решительно и быстро – в возможно краткий срок, но выдыхаются и теряют свое значение, когда превращаются в затяжные»⁵⁴. Для подавления индивидуального террора против представителей власти он считал необходимым прибегать к обыскам и арестам деятелей революционных и боевых организаций, обращая особое внимание на охрану коммуникаций, средств связи и сохранение контроля над информацией⁵⁵. Председатель правительства подчеркивал необходимость «величайшей энергии в предотвращении и пресечении беспорядков»⁵⁶, полагая, что «нет большего проступка и большего греха, чем малодушие», причем «в России опаснее всего проявление слабости»⁵⁷. Для Столыпина характерно использование медицинской терминологии, в частности, сравнения чрезвычайного положения с хирургической операцией. Подобно последней, эти меры должны быть четко выверены, быстро осуществлены, причем в той степени, в которой это необходимо для выздоровления социального организма.

Однако контрреволюционный террор, осуществляемый государством, предполагал, в отличие от революционного террора, существующие правовые рамки. Во-первых, он был ограничен целями и масштабами применения. В специальном циркуляре (от 5 марта 1910 г. № 52) подчеркивалось, что «единственной целью исключительных полномочий является борьба с противогосударственной деятельностью лиц, стремящихся к ниспровержению государственного строя», а потому они «никоим образом не должны затрагивать вопросов, входящих в область законоположений, обеспечивающих течение обывденной жизни»⁵⁸. Во-вторых, чрезвычайные меры должны были осуществляться только в рамках закона: «Борьба ведется не против общества, а против врагов общества. Поэтому огульные репрессии не могут быть одобрены. Действия незаконные и неосторожные, вносящие вместо успокоения озлобление, нетерпимы»⁵⁹. В-третьих, предполагалось четкое юридическое разграничение оппозиционных намерений и экстремистских действий – необходимость «строго отличать несущественные проявления простой неблагонадежности отдельных лиц от предприятий, направленных к соорганизованию масс к серьезным выступлениям целых групп, к учинению террористических актов и экспроприации и, в особенности, к возбуждению движения в войсках»⁶⁰. В-четвертых, вводились критерии «очевидности» преступлений, подлежащих «суду военного времени» (задержание с оружием в руках при совершении акции) и порядка дознания о «террористических преступлениях» – «возмутительных насилиях над представителями власти и мирного населения»⁶¹. В-пятых, оговаривался временный характер чрезвычайных судов как инструмента вынужденной «борьбы с

обнаружившимися в то время крайними проявлениями революционной смуты»⁶². Это скрупулезное выяснение границ применения судебных репрессий отличает столыпинский террор, например, от нравов и практики якобинского террора Французской революции, Большого террора в СССР или маоистского террора периода «культурной революции» в Китае с их имитационным правосудием, судебным произволом и вымученными доказательствами вины обвиняемых.

Таким образом, необходимо различать революционный террор, который, как показала история, имеет абсолютный характер, не может быть ограничен правовыми рамками и тяготеет к тотальному охвату всего общества (пожирая в конечном счете своих собственных организаторов), с одной стороны, и ограниченные чрезвычайные меры государства, сила и продолжительность которых связана со степенью угрозы правовому порядку, – с другой. Позиция Столыпина становится понятна в сравнительном контексте тех стран XX в., которым чрезвычайное положение позволило избежать гражданской войны и торжества революционного экстремизма. Он сам дал предельно четкое объяснение сущности данной политики: «Суровая сила, подавляющая и ликвидирующая революцию, в связи с творческой силой, стремящейся преобразовать и местный, и общий строй, имеет одну цель – установление на пространстве всей России стройного правового порядка»⁶³.

Моральная составляющая позиции премьер-министра в решении этой проблемы определялась готовностью «щеликом себя использовать, пожертвовать лично собою, только бы вывести Россию из ужасного кризиса»⁶⁴, принять на себя всю полноту риска, став «человеком, жизнь которого ни одно страховое общество не согласилось бы застраховать»⁶⁵, пережить многочисленные террористические покушения, последнее из которых стало фатальным⁶⁶. Петр Аркадьевич обладал, по-видимому, выраженным чувством исторической миссии, полагая, что его «вынесла наверх волна событий»⁶⁷, что он «помимо воли выдвинут событиями»⁶⁸, исход которых предопределяется свыше, а потому в принятии стратегических решений не признавал «никаких уступок, ни больших, ни маленьких», когда дело шло о судьбе «реальных реформ»⁶⁹, и не ведал колебаний, считая, что «прямой путь безжалостен, как сама логика!»⁷⁰ Столыпин добился своей цели: ему, по крайней мере в краткосрочной перспективе, удалось остановить массовое революционное движение и предпринять необходимые стране реформы. Он уверял царя, что «за 5 лет изжил революцию» и знает, «что она теперь разбита», предполагал возможность «еще лет пять продержаться» без революционных потрясений⁷¹. Так и произошло. Предпринятые им жесткие репрессивные акции, вызывавшие возмущение современников, не кажутся столь обескураживающими столетие спустя, особенно на фоне последующих событий Гражданской войны и массового террора советского периода.

Авторитарная модернизация: конструирование переходного политического режима и механизмы его функционирования

Сущность дилеммы переходного общества состоит в проведении необходимых, но непопулярных реформ. Ситуация усложняется в тех случаях, когда, как признавал Столыпин для России начала XX в., необходимо одновременное решение задач социального (аграрного) и политического переустройства⁷², обеспечения политической стабильности и разворачивания конструктивных изменений⁷³, сохранения единства империи и поиска новых форм отношений центра и регионов, подавления деструктивных экстремистских тенденций и выстраивания компромисса с ведущими общественно-политическими течениями⁷⁴, наконец, поддержания демократической легитимности режима при сохранении его эффективности. Причем все это – в условиях предельно ограниченного исторического лимита мирного времени, каждый год которого «укрепляет Россию не только с военной и морской точек зрения, но и с финансовой и экономической»⁷⁵. В этих условиях необходима была особая модель политической системы,

которую стремился сконструировать Столыпин. В современной литературе она чаще всего определяется понятием авторитарной модернизации.

В основе столыпинской программы, как считают современные исследователи, был новый идеологический «консервативно-либеральный» синтез, что позволяет говорить даже о ее амбивалентности и компромиссном характере⁷⁶. Она, однако, была вполне оригинальна, выводя обсуждение проблемы за рамки традиционных идеологических стереотипов: противостояла консервативным утопиям как славянофилов (считавших сельскую общину идеалом общественного устройства), так и социалистов (видевших в ней основу коммунизма). Именно поэтому данная программа существенно отличалась от основных проектов решения аграрного вопроса, представленных доминирующими политическими силами – консерваторами (настаивавшими на сохранении аграрного status quo), левыми радикалами (выступавшими за безвозмездное отчуждение земли у собственников и передачу ее крестьянству или государству), и даже либералами (стремившимися сохранить гарантии частной собственности при одновременном перераспределении земельных ресурсов на основе принципа справедливой компенсации собственникам)⁷⁷. На деле речь шла о поиске прагматических ответов на новые вызовы.

Данная программа предусматривала проведение либеральной экономической реформы: предполагалось распространить принципы рыночной экономики на сферу аграрных отношений, включить крестьянские земли в коммерческий оборот и дать крестьянину «власть над землею, избавить его от кабалы отживающего общинного слоя»⁷⁸. Столыпин констатировал (еще в бытность саратовским губернатором) существование «коренного неустройства в крестьянской жизни», причина которого состоит в наличии «непреодолимого препятствия к обогащению» – «всепоглощающего влияния на весь уклад сельской крестьянской жизни общинного владения землей, общинного строя». Не случайно, главным делом своей жизни он, скорее всего, признал бы решение проблемы гражданского равенства – освобождение крестьян от «второго крепостного права» («мира», или общины) с параллельным использованием избыточного населения для колонизации азиатских пространств и мобилизацией трудовых ресурсов на заводы⁷⁹. Предоставляя крестьянину право укреплять за собой надел, знаменитый указ 9 ноября создавал основу крепкой индивидуальной собственности – «ядра будущей мелкой земской единицы».

Кроме того, столыпинская программа (подобно многим транзитарным режимам новейшего времени) выдвигала задачу стабилизации правовых отношений, прежде всего в публично-правовой сфере. Дуалистическая политическая система, установившаяся в России после Первой русской революции 1905–1907 гг., вообще оказалась крайне нестабильна, тяготея к режиму мнимого конституционализма. Столыпин дал ее теоретическое обоснование: высоко оценивая представительные учреждения, созданные Манифестом 17 октября 1905 г. для укрепления нового «самосознания и общественного мнения»⁸⁰, он подчеркивал, в духе германской юриспруденции того времени, что представительная система может иметь различные формы, и предлагал «отличать парламентаризм от конституционализма». «У нас есть только конституционализм» (как в Германии или Американской республике), заявлял он, исходя из этого, но «нет парламентаризма» (как в Англии)⁸¹. Политическая система России представляет собой «строй представительный», но «дарованный самодержавным монархом», выступающим гарантом всей системы, что открывало возможность активного участия верховной власти в социальной трансформации.

Данный подход предполагал политику лавирования для проведения социальных реформ в расколотом обществе и делал необходимым последовательное выстраивание отношений правительства с представительными учреждениями и политическими партиями. Отношения эти в целом складывались непросто – от прямого столкновения, как было с Государственной думой I и II созыва, через краткий период сотрудничества с большинством III Думы, приходящийся на активную фазу столыпинских реформ, до завершающего конфликта с IV Думой, закончившегося окончательным разрывом в феврале 1917 г.⁸² Реализация курса реформ включала поиск компромиссов: если с

политическими деятелями правее кадетов Столыпин имел дело лично, то с последними – через посредников⁸³. Совместная работа правительства и представителей земств имела ограниченный характер: она велась в рамках Совета по делам местного хозяйства⁸⁴, охватывая преимущественно вопросы местного управления – переустройство волости, изменение земского и избирательного закона, законопроект о выделении городов в отдельные земские единицы⁸⁵. Однако, данный курс вызывал критику с обеих сторон: правые обвиняли премьер-министра в том, что «он верил и продолжает верить в возможность упрочения в России демократического конституционного строя»⁸⁶. Левые усматривали в его действиях цинизм и беспринципную «жажду власти»⁸⁷. В этих условиях законодательное проведение реформ становилось возможным только через голову представительных учреждений и партийных фракций (в порядке чрезвычайного законодательства или указного права), а единственным аргументом оказывалась апелляция к верховной монархической власти. «Эта власть и эта воля, создав существующие установления и охраняя их, – подчеркивал глава правительства, – призвана, в минуты потрясений и опасности для государства, к спасению России и обращению ее на путь порядка и исторической правды»⁸⁸. Столыпинский тип модернизации оказался историческим прототипом для тех развивающихся стран, которые, стремясь сочетать развитие рыночной экономики с сохранением авторитарной системы, получили известность как режимы «нелиберальной демократии».

В этом контексте понятна созвучность преобразований Столыпина логике постсоветских реформ начала 1990-х гг. В обоих случаях произошел резкий слом экономических и социальных отношений, направленный на переход к рыночной экономике и частной собственности. Борьба за укоренение института частной собственности на землю в конце XX в. вызвала те же критические аргументы, что звучали в его начале. Как и Столыпина, Б.Н. Ельцина обвиняли в «бюрократическом экстремизме», а цель его реформ усматривали в разрушении коллективных или кооперативных форм организации сельскохозяйственного производства, даже «раскрестьянивании» и пауперизации населения⁸⁹. Никто из критиков Земельного кодекса 2001 г., однако, не предложил ничего лучшего, а продолжение полемики сторонников и противников частной собственности на землю связано скорее с идеологическими, нежели научными аргументами⁹⁰. Политическая система, возникшая в результате конституционной революции 1993 г., как и система 1905–1917 гг., интерпретируется как дуалистическая, нестабильная и тяготеющая к мнимому конституционализму: она характеризуется слабостью парламента (который, по признанию самих депутатов от правящей партии, «не место для дискуссий») и сильно выраженным креном в сторону исполнительной власти с последовательным преобладанием квазимонархических прерогатив главы государства. В условиях острой политической конфронтации по вопросам социальных и аграрных реформ в 1990-е гг., проведение важнейших законодательных актов, как и при Столыпине, становилось возможным только в обход Думы (где преобладала левая оппозиция) путем реализации указного права Президента РФ⁹¹. Таким образом система «направляемой демократии» оказалась вновь востребована в условиях посткоммунистической трансформации, позволив избежать срыва общества в революцию, дестабилизации отношений собственности и торжества левого экстремизма, хотя и ценой ограничения политического плюрализма, бюрократизации режима и усиления авторитарного вектора его развития.

В какой мере столыпинская программа преобразований сохраняет актуальность в постсоветской России?

Обращение к столыпинским проектам сегодня отражает поиск стабильности в переходном обществе. Требуется найти точки соприкосновения с современностью, избежать социальных катастроф путем реформ, использовать исторический опыт преобразований для постсоветского экономического и политического устройства. Программа Столыпина содержала ответы на все вопросы, поставленные революци-

онными критиками: идеологическому утопизму она противопоставляла прагматизм, традиционализму – радикальную модернизацию, революции – реформы сверху, коммунизму – национализм, классовому расколу – единство общества, распаду государства – сохранение незыблемости его исторических границ, аграрному коллективизму – укрепление частной собственности, социальной анархии – сильное государство.

Но наследие Столыпина противоречиво: его программа, представлявшая собой исторически первый ответ на революционный вызов новейшего времени, содержала элементы разных идеологий XIX–XX вв. – консерватизма, империализма, национализма, либерализма, бонапартизма. В то же время, она сочетала в себе теоретические положения и прагматические рекомендации. Петр Аркадьевич, по словам П.Б. Струве, был консерватором по своему мироощущению, либералом – по своей политической программе, революционером – по методу действий. Неудивительно поэтому, что в современной историографии представлены различные оценки столыпинской модели: одни подчеркивают в ней элементы консерватизма, другие – либерализма, третьи противопоставляют идеологию реформ и практику их осуществления, четвертые указывают, что данный политический курс следует рассматривать не столько как долговременную стратегию, сколько как вынужденную ситуационную реакцию на чрезвычайные условия русской революции начала XX в. Отсюда – полярные оценки результатов столыпинских реформ: от восторженного их принятия, до вывода об их стратегическом несовершенстве или тактическом провале в силу недостаточной социальной поддержки, запоздалого характера проведения или отсутствия временного ресурса. Исходя из этого делаются противоположные выводы о возможности использования соответствующих стратегий и технологий на современном этапе.

Размышляя о причинах и последствиях русской революции XX в. в сравнительно-историческом контексте, мы можем сегодня по-новому оценить вклад столыпинских идей. В социальных революциях, как показывает исторический опыт, нет ничего фатального: они представляют собой срыв сознания традиционного общества в условиях ускоренной модернизации, а их следствием является социальная катастрофа, отбрасывающая общество далеко назад, если, конечно, это не «славные» или «цветные» революции. Революции происходят в одних странах и не происходят в других, могут иметь различную степень воздействия на общество или не иметь его вовсе (если их удастся быстро подавить), причем результат зависит не столько от абстрактных социальных закономерностей, сколько от комбинации внутренних и внешних факторов, стереотипов психологии населения, своевременности преобразований и, что не менее важно, искусства государственного управления. Реформы все чаще рассматриваются большинством современных исследователей как научный приоритет – реальная позитивная альтернатива революциям⁹².

Исходя из этого, стратегии революции должна быть противопоставлена более успешная стратегия контрреволюции – защиты общества и правовой системы от спонтанного разрушения или организованных государственных переворотов. Она, по мысли Столыпина, должна включать не только меры подавления революционного экстремизма (терроризма), но и продуманный план радикальных социальных реформ, направленных на модернизацию традиционалистского общества, вовлечение гражданского общества в формулирование концепции преобразований, включение системы обратных связей между обществом и администрацией, становление демократических (представительных) институтов контроля и принятия решений. Поэтому важной задачей правительства является разработка перспективной стратегии устойчивого развития, включающей обоснование реформ, этапов их проведения и механизмов реализации. С этих позиций программа реформ Столыпина – исторически первый столь масштабный проект выхода из революции. Это была, во-первых, продуманная модель направленного социального конструирования, поскольку она опиралась на серьезный анализ общественных противоречий эпохи и предлагала способ их преодоления; во-вторых, она, безусловно, являлась содержательной альтернативой революционному проекту, поскольку давала полноценные ответы на поставленные им вопросы (что признавали

и сами адепты революционной стратегии); наконец, в-третьих, ее можно признать успешной, поскольку Столыпину удалось остановить первую русскую революцию, возможно, отодвинуть вторую и разработать концепцию преодоления революций, которая затем была востребована во многих странах мира.

Конечно, трудно предположить, что в случае полноценной реализации столыпинских реформ России удалось бы совершенно избежать социальных потрясений, связанных с переходом от традиционного к индустриальному обществу. Однако совершенно ясно, что «цена вопроса» могла бы в этом случае оказаться гораздо меньшей – без Гражданской войны, голода, принудительного труда и массовых репрессий советского режима. Как показывает сравнительная историография, так называемый «аграрный вопрос» есть во многом рефлекс отсталого сознания; общественные «законы» не имеют абсолютного характера и могут быть скорректированы политикой правительства; социальная мобилизация крестьянства может быть реализована в рамках рыночной экономики без восстановления экстенсивных форм эксплуатации, а радикальная модернизация осуществлена без введения тоталитарного режима. Эти темы современной повестки дня, впервые поставленные стратегией столыпинских преобразований, еще нуждаются в разработке, несмотря на огромную историографию вопроса. Но идея существования альтернативы «реальному социализму» стала важным атрибутом историографических дебатов о Столыпине на протяжении всего советского периода, как в эмиграции, так и внутри страны, составляя, так сказать, их «неконтролируемый подтекст» и определяя их повышенную эмоциональность. Это характерно и для современных аналитиков, стремящихся оценить вклад столыпинской модели модернизации в сравнительной перспективе.

Актуальность изучения столыпинских реформ в постсоветской России свидетельствует о типологическом сходстве проблем модернизации и важности обсуждения стратегий их разрешения в истории и современности. Предстоит реконструировать основные параметры программы преобразований, имея в виду не идеологический, а академический уровень социального запроса. В данном номере журнала представлена подборка статей, отражающих центральные компоненты программы Столыпина: предложенный им тип модернизации, анализ законодательного процесса и политической борьбы; вопросы аграрного переустройства и земельной реформы; взаимоотношения власти и общества; а также вклад Столыпина как государственного деятеля в решение этих вопросов на одном из переломных этапов российской истории. В какой мере общество и современная российская элита смогут воспользоваться этим историческим опытом, покажет время.

Примечания

¹ К 150-летию Великой реформы // Российская история. 2011. № 1.

² П.А. Столыпин: Программа реформ. Документы и материалы. Т. 1–2. М., 2002–2003.

³ *Столыпин П.А.* Думские речи. М., 1990; *он же.* Нам нужна великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М., 1991.

⁴ *Столыпин П.А.* Переписка. М., 2004. С. 168–169.

⁵ Там же. С. 171, 177.

⁶ Там же. С. 175.

⁷ *Maslow A.* Motivation and Personality. N.Y., 1970.

⁸ См.: *Витте С.Ю.* Записка по крестьянскому делу. СПб., 1905.

⁹ См.: *Медушевский А.Н.* Проекты аграрных реформ в России XVIII – начала XXI в. М., 2005.

¹⁰ П.А. Столыпин. Грани таланта политика. М., 2006. С. 172.

¹¹ *Столыпин П.А.* Переписка. С. 158.

¹² П.А. Столыпин глазами современников. М., 2008. С. 175.

¹³ *Тери Э.* Экономическое преобразование России. М., 2008. С. 26.

¹⁴ *Столыпин П.А.* Переписка. С. 61–62.

¹⁵ *Meयर J.* La revolucion Mexicana. Mexico, 2009. P. 261–289.

- ¹⁶ *Damm K.W.* The Law-Growth Nexus. The Rule of Law and Economic Development. Washington, 2009.
- ¹⁷ Обзор сравнительных исследований см.: *Leonard C.S.* Agrarian Reform in Russia. The Road from Serfdom. Cambridge, 2011.
- ¹⁸ *Столыпин П.А.* Переписка. С. 605.
- ¹⁹ П.А. Столыпин. Грани таланта политика. С. 69–70.
- ²⁰ Там же. С. 70.
- ²¹ *Столыпин П.А.* Переписка. С. 29.
- ²² П.А. Столыпин. Грани таланта политика. С. 247.
- ²³ *Столыпин П.А.* Мысли о России. М., 2006. С. 47.
- ²⁴ *Столыпин П.А.* Переписка. С. 599.
- ²⁵ П.А. Столыпин. Грани таланта политика. С. 355.
- ²⁶ *Столыпин П.А.* Переписка. С. 221–222.
- ²⁷ Там же. С. 270.
- ²⁸ П.А. Столыпин. Грани таланта политика. С. 328–329.
- ²⁹ Там же. С. 347.
- ³⁰ *Столыпин П.А.* Переписка. С. 102.
- ³¹ Там же. С. 84.
- ³² *Столыпин П.А.* Мысли о России. С. 64–65; *он же.* Переписка. С. 212–213.
- ³³ П.А. Столыпин глазами современников. С. 24.
- ³⁴ П.А. Столыпин. Грани таланта политика. С. 291–309.
- ³⁵ *Столыпин П.А.* Переписка. С. 21.
- ³⁶ П.А. Столыпин. Грани таланта политика. С. 68–74.
- ³⁷ П.А. Столыпин. Биохроника. М., 2006. С. 139, 143.
- ³⁸ *Тазанцев Н.С.* Уголовное уложение 22 марта 1903 г. СПб., 1904. С. 216–246.
- ³⁹ *Медушевский А.Н.* Уголовное уложение и судебная практика по политическим делам в России начала XX в. // Государство и нация в России и Центрально-Восточной Европе. Будапешт, 2009. С. 219–232.
- ⁴⁰ Там же. С. 198–199.
- ⁴¹ *Столыпин П.А.* Переписка. С. 159–163.
- ⁴² Там же. С. 19.
- ⁴³ *Столыпин П.А.* Мысли о России. С. 99.
- ⁴⁴ Там же. С. 52–53.
- ⁴⁵ *Столыпин П.А.* Переписка. С. 202.
- ⁴⁶ П.А. Столыпин. Грани таланта политика. С. 95.
- ⁴⁷ П.А. Столыпин. Биохроника. С. 153–154.
- ⁴⁸ Там же. 146.
- ⁴⁹ *Столыпин П.А.* Переписка. С. 193.
- ⁵⁰ Там же. С. 202.
- ⁵¹ См.: Против смертной казни. М., 1906; О смертной казни. Мнения русских криминалистов. М., 1909.
- ⁵² *Столыпин П.А.* Переписка. С. 20.
- ⁵³ *Столыпин П.А.* Мысли о России. С. 100.
- ⁵⁴ П.А. Столыпин. Биохроника. С. 300.
- ⁵⁵ Там же. С. 123.
- ⁵⁶ П.А. Столыпин. Грани таланта политика. С. 355.
- ⁵⁷ *Столыпин П.А.* Переписка. С. 67.
- ⁵⁸ П.А. Столыпин. Биохроника. С. 297.
- ⁵⁹ Там же. С. 130.
- ⁶⁰ Там же. С. 186.
- ⁶¹ П.А. Столыпин. Грани таланта политика. С. 343.
- ⁶² *Столыпин П.А.* Переписка. С. 649.
- ⁶³ *Столыпин П.А.* Мысли о России. С. 46.
- ⁶⁴ *Столыпин П.А.* Переписка. С. 119.
- ⁶⁵ П.А. Столыпин. Грани таланта политика. С. 464.
- ⁶⁶ См.: Тайна убийства Столыпина. М., 2003.
- ⁶⁷ *Столыпин П.А.* Переписка. С. 175.
- ⁶⁸ Там же. С. 119.
- ⁶⁹ П.А. Столыпин. Грани таланта политика. С. 340.

- ⁷⁰ Столыпин П.А. Мысли о России. С. 124.
- ⁷¹ П.А. Столыпин. Грани таланта политика. С. 491–492.
- ⁷² Там же. С. 83; См. также: Столыпин П.А. Мысли о России. С. 85.
- ⁷³ Столыпин П.А. Переписка. С. 675.
- ⁷⁴ Там же. С. 31.
- ⁷⁵ Там же. С. 425–426.
- ⁷⁶ Пожигайло П.А. Столыпинская программа преобразования России (1906–1911). М., 2007. С. 232–233.
- ⁷⁷ См.: Аграрный вопрос в программах политических партий России: документы и материалы. Последняя треть XIX в. – октябрь 1917 г. М., 2000.
- ⁷⁸ Столыпин П.А. Мысли о России. С. 73–79.
- ⁷⁹ П.А. Столыпин глазами современников. С. 24.
- ⁸⁰ Столыпин П.А. Переписка. С. 425–426.
- ⁸¹ П.А. Столыпин. Грани таланта политика. С. 469, 491.
- ⁸² Законотворчество думских фракций 1906–1917 гг. Документы и материалы. М., 2006. С. 4.
- ⁸³ Столыпин П.А. Переписка. С. 369.
- ⁸⁴ Могилевский К.И. Столыпинские реформы и местная элита. Совет по делам местного хозяйства (1908–1910). М., 2008. С. 285–286.
- ⁸⁵ Столыпин П.А. Переписка. С. 279.
- ⁸⁶ П.А. Столыпин глазами современников. С. 95.
- ⁸⁷ Юровский Л.Н. Портреты (С.Ю. Витте, В.Н. Коковцов, П.А. Столыпин). М., 2011. С. 62.
- ⁸⁸ Столыпин П.А. Мысли о России. С. 101–102.
- ⁸⁹ Данилов В.П. Судьбы сельского хозяйства в России (1861–2001) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2005. Вып. 5. М., 2006. С. 25.
- ⁹⁰ Розалина Н.Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. М., 2010. С. 212–215.
- ⁹¹ См.: Медушевский А.Н. Размышления о современном российском конституционализме. М., 2007.
- ⁹² Аналитическая история: Журнал и приоритетные направления его развития // Отечественная история. 2008. № 5.

© 2012 г. В. В. ШЕЛОХАЕВ*

СТОЛЫПИНСКИЙ ТИП МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

В период масштабных трансформаций, переживаемых более двадцати лет современной Россией, необходимо переосмыслить опыт сходной ситуации, имевшей место в начале XX в. В контексте этой посылки особый исследовательский интерес представляет комплексный анализ системных столыпинских реформ. По сути, в этот период П.А. Столыпину пришлось одновременно преодолевать революционный кризис и проводить реформы, которые должны были создать условия для политической стабилизации, экономического роста и последующего эволюционного развития страны.

Личности Столыпина и его реформам посвящена огромная историография, созданная несколькими поколениями отечественных и зарубежных исследователей, принадлежащих к различным идеологическим направлениям и научным школам¹. За почти вековой период обществоведами разных специальностей (историки, экономисты, юристы) накоплен значительный фактографический материал. Однако историографический парадокс состоит в том, что до сих пор нет специальных работ, посвященных изучению взглядов Петра Аркадьевича, которые лежали в основе его исходного замысла и «технологической цепочки» реализации реформаторского курса. Издание в последнее десятилетие Фондом изучения наследия П.А. Столыпина ряда фундаментальных доку-

* Шелохаев Валентин Валентинович, доктор исторических наук, главный научный специалист Российского государственного архива социально-политической истории.